

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.2(5-011) + 327.2(569.1) + 351.824.11

Г. Н. Валиахметова

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРЕНДОВ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются роль и место энергетического фактора в генезисе сирийского кризиса. Автор приходит к выводу о том, что сирийский конфликт является закономерным результатом развития мировой энергетической политики в XXI в. Анализ энергетической составляющей сирийского кризиса позволяет осознать масштабность ставки на Сирию со стороны главных геополитических игроков и других многочисленных субъектов ближневосточной политики. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: Сирия, Ближний Восток, энергетическая политика, конфликт интересов, нефть, газ, транзит, США, Россия.

Ключевым признаком текущего процесса переформатирования глобальной системы международных отношений является его незавершенность. Сегодня на мировой арене наряду со сверхдержавой (США), сохраняющей значительную военную мощь, но ослабленной экономическими проблемами и внутренними расколами, также действуют старые (Европа) и новые (Россия и Китай) влиятельные игроки; традиционные, но уже расшатанные международные политические конструкции (ООН, НАТО) и новые, еще набирающие силу (G20, ШОС, БРИКС и др.). При этом ни один из указанных акторов пока не способен даже предложить другим некие общие, приемлемые для всех правила игры. В итоге мы живем в условиях нефункционального многополярного мира с многочисленными и зачастую хаотично взаимодействующими друг с другом центрами влияния. Энергетический фактор, являясь интегральной частью международных отношений и мировой политики, с одной стороны, отражает как в фокусе их текущее состояние, а с другой — сам порождает новые международные противоречия и конфликты. В XXI в. масштабные сдвиги произошли и на мировой энергетической арене, состояние которой сегодня также характеризуется в терминах

«трансформация», «дивергенция», «полицентричность», «многоуровневость», «неопределенность». Как и на глобальном политическом уровне, в сфере энергетики формируются новые угрозы международной и национальной безопасности и соответственно требуются качественно новые, многосторонние подходы к решению возникающих проблем. Пока поиск конструктивных форм взаимодействия старых и новых энергетических игроков весьма далек от завершения, чему наглядным примером является Сирия, которая, по сути, стала заложницей «высокой» политики с ее влиятельным энергетическим фактором.

Наблюдаемый сегодня новый виток глобальной энергетической гонки, в эпицентре которой оказалась Сирия, обусловлен целым комплексом причин. Тезисно обозначим несколько ключевых.

Во-первых, ввиду существенного роста населения планеты и мирового промышленного производства мировой спрос на первичную энергию, как ожидается, с 2010 до 2035 г. увеличится минимум на треть и будет удовлетворен именно за счет нефти и газа, а не альтернативных энергоносителей [15, 20]. Это порождает опасения по поводу истощения углеводородных ресурсов, а также ставит в международную и национальную повестку дня проблему их доступности. Так, по данным британской корпорации «BP», при сохранении энергопотребления на уровне 2013 г. разведанных запасов нефти хватит на 53,3 года, природного газа — на 54,8 года [15]; расчеты американской «ExxonMobil» выглядят более тревожно [20]. Как правило, действительность опровергает подобные пессимистические прогнозы, тем не менее вопрос о грядущем «ресурсном голоде» остается предметом жарких политических и академических дискуссий на протяжении уже более 100 лет. Вместе с тем история предлагает массу примеров к тезису о том, что любая масштабная информационная кампания на тему надвигающегося «нефтегазового коллапса» неизменно свидетельствует о начавшемся процессе изменения баланса сил на мировой энергетической арене. На этот раз полем энергетической битвы стала Сирия, и ставки в новой «большой энергетической игре» как никогда высоки.

Во-вторых, мировые запасы углеводородов, ключевые центры их производства и потребления размещены на планете географически неравномерно. Главной нефтяной «кладовой» мира остается Ближний Восток, но, обладая почти половиной мировых достоверных запасов нефти (47,7 % в 2014 г.), регион обеспечивает лишь треть (31,7 %) мировой нефтедобычи (что, впрочем, позволяет ему прочно удерживать лидирующие позиции в мировом нефтеэкспорте), а среди потребителей занимает довольно скромное место (9,3 %). Значительные диспропорции обнаруживаются и в отношении природного газа. Большая часть его мировых запасов (58 %) сосредоточена всего в четырех странах: Иране (18,2 %), России (17,4 %), Катаре (13,1 %) и Туркменистане (9,3 %), на долю которых приходится лишь 28,8 % мирового производства и 17,1 % потребления. Для сравнения: по Евросоюзу указанные показатели в 2014 г. составили соответственно 0,8, 3,8 и 11,4 %, по Китаю — 1,8, 3,9 и 5,4 % [16]. Вполне естественно, что страны — владельцы нефтегазовых ресурсов стремятся максимально увеличить свою долю на глобальном рынке первичной энергии, прежде всего за счет увеличения поставок в промышленно развитые и динамично развивающиеся страны, энергоемкость

которых, по оценкам экспертов, в долгосрочной перспективе будет возрастать и значительно превышать собственный потенциал по добыче [15, 20]. Это, в свою очередь, будет побуждать заинтересованных игроков активно включаться в глобальную энергетическую гонку, причем с акцентом именно на ее газовую компоненту, поскольку, в отличие от мирового рынка нефти, международный раздел которого продолжался в течение всего XX в. и в целом уже завершен, рынок газа относительно «молод» и пока не стал глобальным [14].

В-третьих, глобализация и регионализация, размывание экономических и идеологических барьеров существенно меняют субъектное поле мировой энергетической политики XXI в. Хотя международное сообщество по-прежнему можно условно разделить на «мир производителей» и «мир потребителей», первый «мир» при сохранении доминанты ОПЕК довольно быстро расширяется за счет правительств и энергетических корпораций России, государств Центральной Азии, Каспийского региона, Латинской Америки и Африки; активно включаются в борьбу за «место под солнцем» антисистемные игроки (например, в лице ИГИЛ). Группа потребителей уже представлена не только США и странами Запада, но и динамично развивающимися экономиками Восточной и Южной Азии и Латинской Америки. Все они в той или иной степени образуют новые центры силы с растущими глобальными амбициями, что в условиях незавершенности трансформации системы международных отношений в целом и отсутствия эффективных международно-правовых подходов к урегулированию возникающих кризисных ситуаций порождает новые угрозы международной и национальной безопасности.

В-четвертых, географическая отдаленность главных центров производства и потребления углеводородов актуализирует проблему их переброски к мировым рынкам во всех ее аспектах (экономичность, безопасность, стабильность и т. д.). Сегодня нефть транспортируется преимущественно морским путем, природный газ — наземным по трубопроводным системам (несмотря на активное внедрение технологий сжижения газа, позволяющих перевозить его по морю танкерами на большие расстояния). В проблеме международного нефтегазового транзита заложен исключительно высокий конфликтный потенциал, поскольку при принятии соответствующих решений (на корпоративном, национальном или региональном уровнях) заинтересованные игроки вынуждены руководствоваться не столько экономическими, сколько стратегическими императивами. Это объективно переводит вопросы транзита на уровень глобальной политики, где они в конечном итоге и решаются, исходя из текущего расклада сил на мировой политической арене. Особенно наглядно данный тезис иллюстрируют такие энергоресурсные регионы, как Персидский залив, Центральная Азия и Каспий. Хрестоматийным примером с этой точки зрения уже стала и сирийская драма.

Сирия всегда была незначительным игроком на глобальном энергетическом рынке ввиду довольно скромной доли в мировых запасах нефти (0,1 %) и газа (0,2 %) [16]. Однако в районе Восточного Средиземноморья Сирия остается самым крупным их производителем, даже несмотря на внушительное сокращение объемов добычи нефти и газа в результате военного конфликта. Энергетическая

отрасль всегда являлась стратегической для сирийской экономики: доходы от экспорта нефти (до 2012 г. порядка 95 % сырой нефти вывозилось в Европу) были основным источником пополнения госбюджета страны, обеспечивая примерно четверть совокупных государственных расходов. Сирийские нефтяные и газовые месторождения, контроль над которыми сегодня пытаются получить (или удержать) все стороны конфликта, преимущественно сосредоточены в малонаселенных частях страны (на востоке и северо-востоке) и соединены с густонаселенными прибрежными районами (Дамаск, Хомс, Алеппо) системой трубопроводов [2].

Региональное и глобальное значение сирийского энергетического сектора внушительно возросло в 2009–2010 гг. в связи с разработкой правительством Б. Асада новой энергетической стратегии страны и обнаружением колоссальных запасов нефти и газа в бассейнах Леванта (вдоль берегов Сирии, Ливана, Израиля, Газы, Кипра) и Нила (на севере Египта). В этой связи важно подчеркнуть тот факт, что нефтегазовые запасы Ближнего Востока еще далеко не полностью исследованы. Так, за вековую историю промышленной разработки нефти в зоне Персидского залива там появилось всего около 2 тыс. разведочных скважин (пробуренных методом «дикий кошки», т. е. наугад), в то время как в США — более 1 млн. В Ираке, например, имеется лишь 2,5 тыс. нефтяных скважин всех видов (разведочных, оценочных, разработочных и т. д.), а в одном только Техасе их 1 млн [6]; газовые же резервы Ирака еще только предстоит оценить [13, 104]. Поэтому череда успешных нефтегазовых разведок на Ближнем Востоке, которая так удивляет мировую общественность (в числе последних «сенсаций» — обнаружение крупного газового месторождения на контролируемых Израилем Голанских высотах в октябре 2015 г.), является вполне закономерной и не исключает возможности как дальнейших открытий, так и неизбежно последующей за ними схватки за энергоресурсы региона [17]. Примечательно, например, что первые антиправительственные выступления в Сирии вспыхнули именно в тех городах и районах, где располагаются ключевые объекты энергетической инфраструктуры страны, а кампании гражданского неповиновения неизменно сопровождались многочисленными терактами на предприятиях нефтегазовой отрасли. Первые и наиболее жестокие столкновения между правительственными войсками и оппозицией произошли в марте 2011 г. в г. Хомс, где незадолго до этого было обнаружено новое газовое месторождение, которое сирийские власти оперативно стали вводить в эксплуатацию [12, 19].

Но главная ценность и стратегическое преимущество Сирии — это ее географическое расположение в центре Ближнего Востока, что неизбежно повышает геополитическую значимость страны. Нефтяные ресурсы региона преимущественно сосредоточены в зоне Персидского залива, прежде всего в трех странах, исторически конкурирующих друг с другом, — Иране, Ираке и Саудовской Аравии. В этом же районе залегают крупнейшие в мире разведанные запасы природного газа — супергигантское, относительно легкодоступное месторождение, расположенное в территориальных водах Катара (месторождение «Северное», которое вывело Катар на третье место в мире по запасам природного газа и, по оценкам экспертов, позволит этой стране добывать газ в нынешних внушительных объемах не менее

160 лет) и Ирана (месторождение «Южный Парс», которое содержит около половины суммарных газовых ресурсов Ирана, мирового лидера по запасам газа). Промышленная разработка месторождения «Северное/Южный Парс» началась в 1990–1991 гг. при активном участии американских, европейских и японских ТНК — в катарской зоне, европейских, российских, китайских, южнокорейских и малазийских ТНК — в зоне контроля Ирана. Соответственно в национальной повестке дня Катара и Ирана встал вопрос о выходе на емкие рынки сбыта, в первую очередь в Европе и Восточной Азии [4].

Развитие региональной системы транспортировки энергоресурсов началось еще в 1934 г. с пуском в эксплуатацию первого на Ближнем Востоке трансграничного нефтепровода, по которому ближневосточная (иракская) нефть впервые вышла на мировые рынки, минуя Персидский залив. Нефтепровод состоял из двух веток, проложенных из Ирака (Киркук) к Средиземному морю по маршрутам Сирия — Ливан (Триполи) и Иордания — Палестина (Хайфа). В 1952 г. было завершено строительство нефтепровода Киркук — Банияс. Сегодня это основная транзитная артерия, идущая по Сирии к прибрежным сирийским и ливанским нефтеперерабатывающим заводам, к которой в районе известного по медиасводкам г. Хомс присоединяется труба с сирийских месторождений. Главная проблема данной нефтепроводной системы состоит в том, что ее маршрут пересекает зоны контроля ИГИЛ (долины Евфрата и район печально известной Пальмиры, где, кроме того, расположены крупные газовые поля), а сирийские нефтепромыслы на северо-востоке страны находятся под курдским контролем. Курды также контролируют основной сухопутный, практически по границе обходящий Сирию, путь иракской нефти на Турцию (Киркук — Джейхан). Отсюда и появление прогнозных сценариев по «встраиванию» контролируемых курдами сирийских месторождений в турецко-иракскую трубу.

Другая стратегически важная трансрегиональная трасса, пролегающая по территории Сирии, — это так называемый «Арабский газопровод», ставший примером успешного энергетического сотрудничества четырех арабских стран. В 2001–2009 гг. газопровод был проложен от Египта через Иорданию до Сирии (Хомс, Банияс) и Ливана (Триполи). Готовность к сотрудничеству в рамках данного регионального проекта в свое время также выражали Израиль, Ирак и Турция. С открытием крупных газовых запасов на шельфе Восточного Средиземноморья стала рассматриваться возможность подключения «Арабского газопровода» к «Набукко». В связи с военным конфликтом в Сирии сирийский участок трубы был перекрыт, а подконтрольные другим странам сектора регулярно становятся объектами терактов [1, 8].

В целом к настоящему времени на Ближнем Востоке было построено восемь трансрегиональных трубопроводов, и каждый был перекрыт как минимум один раз, преимущественно по военно-политическим причинам. Ввиду высокого уровня конфликтности в регионе основным для вывоза энергоресурсов с Ближнего Востока остается обходной морской путь через Персидский залив. Следуя данным маршрутом, танкеры с нефтью и сжиженным газом вынуждены проходить через узкие и весьма уязвимые со стратегической точки зрения морские

артерии — Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы и Суэцкий канал, причем любая дестабилизация обстановки в прибрежных странах чревата перебоями энергопоставок. Наиболее напряженная ситуация сложилась вокруг Ормузского пролива, контролируемого Ираном. Многие аналитики затрудняются предсказать масштаб последствий перекрытия пролива для мировой экономики и энергетики. Проблема Ормузского пролива неоднократно приводила к вооруженным конфликтам, последним из которых является война в Сирии.

В 2009 г. Башар Асад обнародовал энергетическую стратегию Сирии, согласно которой страна должна была превратиться в новый энергетический центр Ближнего Востока. Предложенный Б. Асадом проект «Четырех морей» предусматривал строительство сети газопроводов, позволявших соединить морские акватории, окружающие Сирию по периметру всего Леванта (Каспий, Средиземное и Черное моря, Персидский залив). Катар сразу обратился к Дамаску с предложением о прокладке по сирийской территории газопровода со своего месторождения Северное в Турцию и далее в Европу. Однако Асад мыслил свой проект шире — как объединение Ближнего Востока под эгидой Сирии в рамках единой нефтегазотранспортной системы с выходом к Средиземному морю. Особо раздражающим для Дохи, а также ее аравийских и западных партнеров стали недвусмысленные реверансы сирийского президента в сторону Ирана и России [12, 19].

К моменту дестабилизации политической обстановки в Сирии Дамаск принял ряд конкретных шагов по реализации своих энерготранзитных планов, дополнившихся программами наращивания перерабатывающих мощностей страны в районах Пальмиры и Ракки, которые сегодня находятся под контролем ИГИЛ, а последняя даже провозглашена его столицей [12]. По-видимому, последней каплей, переполнившей «чашу терпения» остававшихся не у дел заинтересованных энергетических игроков (Катар, Саудовская Аравия, Турция), стало подписание 25 июня 2011 г. в Бушере соглашения о строительстве нового газопровода «Иран (Ассалуэх) — Ирак — Сирия» протяженностью 1500 км, мощностью 40 млрд куб. м в год и стоимостью 10 млрд долларов. Рассматривались также перспективы его ответвления в Ливан и продления по дну Средиземного моря в Грецию, а также варианты поставок сжиженного газа из Ирана в Европу через сирийские и ливанские средиземноморские порты. Этот трубопровод, получивший название «Исламская магистраль», должен был войти в строй в 2014–2016 гг. и обеспечить энергетические потребности Ирака, Сирии, Ливана и Иордании [18]. Спустя месяц после подписания указанного соглашения о своем создании и намерении свергнуть режим Башара Асада объявила «Свободная армия Сирии», что знаменовало переход сирийского внутривнутриполитического кризиса в фазу гражданской войны.

«Исламская магистраль» оказалась в центре крупной геополитической игры, в основе которой лежит геополитическое противостояние между США и Россией. Начало этой «игре» положил в 2002 г. турецко-австрийский проект газопровода «Набукко» мощностью 30 млрд куб. м газа в год, который первоначально планировали проложить из Ирана, Ирака, Азербайджана и Туркменистана через Турцию в Европу. «Набукко» должен был уравновесить российские газовые поставки в Евросоюз. Однако ввиду недостаточной сырьевой базы проект забуксовал:

в настоящее время он обеспечен запасами одного Азербайджана, остальные страны-поставщики были исключены преимущественно по политическим соображениям [7].

Соответственно Запад стал рассматривать в качестве ресурсной базы масштабного проекта по выдавливанию российского газа с европейских рынков страны Персидского залива, а именно Катар и Саудовскую Аравию, которые предложили меридиальное направление поставок своего газа в Европу в обход Ирака через Иорданию и Сирию. В районе г. Хомс трубопровод должен был разветвляться в трех направлениях к побережью Средиземного моря: в Латакию на севере Сирии, Триполи на севере Ливана и Турцию. С учетом газовых ресурсов аравийских монархий мощность катарского газопровода могла превысить и «Исламскую магистраль», и «Набукко», бросая прямой вызов «Южному потоку» — международному проекту под эгидой России, который позволял диверсифицировать поставки российского природного газа в Европу и снизить зависимость поставщиков и покупателей от таких транзитных стран, как Украина и Турция [7, 18].

Очевидно, что в случае сооружения «Исламской магистрали» и «Южного потока» не у дел оставались заинтересованные в катарском газе и проекте «Набукко» США, ряд европейских стран, монархии Персидского залива, Израиль и Турция, претендующая на роль главного мирового транзитера и владельца крупнейшего на побережье Средиземного моря газового хаба. Катар и его союзников на Западе, кроме того, весьма беспокоили перспективы экспорта иранского и сирийского газа в Европу через арендуемый Россией сирийский порт Тартус. «Исламская магистраль» рассматривалась аравийскими монархиями и Турцией не только в качестве серьезного экономического конкурента, но и в контексте межконфессиональных (суннито-шиитских) противоречий — как шиитский газопровод из шиитского Ирана через территории Ирака с его шиитским большинством и дружественной шиитам алавитской Сирии во главе с Б. Асадом [Там же].

Катарский газопроводный проект, помимо прочего, позволяет преодолеть критическую зависимость аравийских нефтедобывающих монархий от ситуации вокруг контролируемого Ираном Ормузского пролива — узкого «бутылочного горлышка» на выходе из Персидского залива в Аравийское море и Индийский океан. В случае перекрытия этой судоходной артерии под ударом также оказываются военно-стратегические позиции США на Ближнем Востоке: американский пятый флот, базирующийся в Катаре, Дубае и на Бахрейне, может выйти в Индийский океан только через Ормузский пролив. Катар, по сути, пробивает новый коридор для экспорта газа, и ключевым звеном в решении этой задачи стала Сирия с ее значением регионального географического перекрестка [7].

Вполне естественно, что катарский проект активно продвигается Вашингтоном, поскольку позволяет нанести сокрушительный удар по энергетическим интересам Ирана, Ирака и Сирии; разрушить иранскую транзитную монополию в Персидском заливе; усилить транзитные позиции Турции, своего союзника по НАТО; предоставить Израилю, другому американскому партнеру по ближневосточным делам, возможность экспортировать свой газ в Европу по наземному маршруту. Успешное решение указанных задач позволит США реализовать более

глобальные геополитические цели — выдавить Россию с европейского газового рынка, ослабив тем самым ее экономические и политические позиции, а также создать условия «ресурсного голода» у своего другого геополитического конкурента — Китая, существенно ограничив его доступ к нефтегазовым ресурсам Персидского залива [7, 12, 14, 18].

«Газопроводная игра на выбывание» в Сирии, по сути, была развернута Катаром и Саудовской Аравией при активной поддержке США и их союзников на Западе. Сравнение карты боевых действий в Сирии с картой конкурирующих трубопроводных проектов неизменно приводит экспертов к выводу о наличии тесной связи между вооруженной активностью сирийской «оппозиции» и ее стремлением контролировать именно районы Дамаска, Алеппо и Хомса, где сходятся маршруты будущих энерготранзитных артерий Ближнего Востока [7, 12, 18, 19]. Ближневосточные оппоненты Сирии используют довольно широкий спектр инструментов давления на Дамаск: финансовое и информационное превосходство (примечательно, что аравийские монархии ведут борьбу с республиканским режимом Б. Асада под лозунгом «защиты демократических ценностей»); военное присутствие США и НАТО в Персидском заливе; вооружение сирийской «оппозиции» (на практике — транснациональных бандформирований); поддержку исламистских сил, способных изменить в свою пользу политический ландшафт Ближнего Востока, и т. д. Тем не менее спонсорам и вдохновителям сирийской войны так и не удалось перевести ее в ливийский формат. В условиях роста непредсказуемости очередных зигзагов мировой и региональной политики аналитики воздерживаются от прогнозов в отношении сирийского кризиса даже на краткосрочную перспективу.

Роль энергетического фактора в геополитическом противостоянии между США и Россией на сирийском поле не исчерпывается соперничеством «Исламской магистрали» и катарского трубопроводного проекта, которые на время утратили свою актуальность. Весьма туманными остаются перспективы «Турецкого потока» (российской альтернативы «Южному потоку»), особенно в свете кризиса в российско-турецких отношениях после событий на сирийской границе 24 ноября 2015 г. Строительство «Набукко» отложено на 2017 г. (формально — из-за технических трудностей), но рассматриваются возможности включения в проект в качестве ресурсной базы иранского газа, а также продукции Эрзерумского месторождения Турции и газовых запасов Восточного Средиземноморья на шельфе Сирии, Ливана и Израиля [14]. Несмотря на войну в Сирии, продолжает возрастать стратегическое значение Арабского газопровода, который в перспективе также может быть подключен к «Набукко» [1].

Картина энергетического среза сирийского конфликта будет неполной без учета целого спектра других сюжетных линий, в разной степени оказывающих влияние на развитие событий в Сирии. В их числе ситуация с освоением и направлениями экспорта энергоресурсов Каспия и Центральной Азии, где стремление местных правительств балансировать на противоречивых интересах глобальных энергетических игроков существенно повышает уровень конкурентного противостояния, что, в свою очередь, корректирует ближневосточный вектор

энергетической политики США, Европы, России и Китая [5, 10]. Не следует забывать и о том, что «война трубопроводов» на Ближнем и Среднем Востоке (построенных и проектируемых) ведется в том числе на землях расселения курдов и белуджей, которые в своих попытках добиться хотя бы автономии активно используют энергетический фактор [9]. Будущая карта ближневосточного энерготранзита зависит и от эффективности борьбы с террористическими группировками, которые, со своей стороны, также имеют собственные подходы к решению политических и энергетических проблем региона. Весьма неоднозначны, казалось бы, уже сложившиеся на Ближнем и Среднем Востоке неформальные альянсы: совпадение интересов их участников в сирийском вопросе отнюдь не исключает наличия между ними глубинных противоречий. Прежде всего это касается взаимоотношений США с Турцией, арабийскими монархиями, Израилем и Пакистаном, отношений в треугольнике Турция — Катар — Саудовская Аравия и т. д. [10]. Следует признать, что приход на европейский газовый рынок Ирана (вне зависимости от того, по какой трубе пойдет его газ — катарской, ирако-сирийской или любой другой) серьезно ослабит позиции российского «Газпрома» в Европе. Более того, энергетика отнюдь не единственная сфера, где Россия и Иран являются прямыми конкурентами [3, 11].

Таким образом, анализ энергетической составляющей сирийского кризиса позволяет осознать масштабность ставки на Сирию со стороны главных геополитических игроков и других многочисленных субъектов ближневосточной политики. Реализация любых энергетических проектов на Ближнем Востоке в конечном итоге зависит от расклада сил на глобальной мировой арене (США, Европа, Россия, Китай), развития военной и политической ситуации внутри самой Сирии, геополитических (в том числе энергетических) интересов соседей Сирии по региону (Турция, арабийские монархии, Иран, Ирак) и стран из сопредельных энергоресурсных регионов (Центральной Азии и Каспия). С учетом того что процесс трансформации глобальной мировой системы еще далек от завершения, можно предположить, что в обозримом будущем геополитическое пространство Ближнего Востока сохранит статус одного из главных мировых очагов международных раздоров и разногласий, энергетических, этноконфессиональных и иных столкновений и антагонизмов. Соответственно и урегулирование сирийского кризиса надолго останется для мирового сообщества уравнением со многими неизвестными.

1. *Айдрус И.* Будущее карты транспортных артерий Сирии // РСМД. 18.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3548#top-content (дата обращения: 23.10.2015).

2. *Айдрус И.* Военный конфликт в Сирии и его значение для мирового рынка нефти и газа // РСМД. 29.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2744#top-content (дата обращения: 23.10.2015).

3. Выиграет тот, кто наладит отношения с Ираном без оглядки на США: интервью Александры Князева // EurAsia Daily. 23.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/news/2015/11/23/vyigraet-tot-kto-naladit-otnosheniya-s-iranom-bez-oglyadki-na-ssha-intervyu-aleksandra-knyazeva> (дата обращения: 23.11.2015).

4. *Ефимов В.* Россия — Иран — Катар: Борьба за газовые рынки обостряется // Iran.ru. 12.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/92846/Rossiya_Iran_Katar_Borba_za_gazovye_runki_obostruetsya (дата обращения: 03.11.2015).

5. *Князев А.* Карт-бланш. Тегеран-2015 рисует контуры нового Среднего Востока с участием Москвы // Независимая газета. 26.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2015-11-26/3_kartblansh.html (дата обращения: 28.11.2015).

6. *Мауджеро Л.* Двукратное «ура» дорогостоящей нефти // Россия в глобальной политике. 03.07.2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6824 (дата обращения: 13.10.2014).

7. *Минин Г.* Геополитика газа и сирийский кризис // Фонд стратегической культуры. 25.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2013/05/29/geopolitika-gaza-i-sirijskij-krizis-20759.html> (дата обращения: 03.10.2014).

8. Подрывы газопровода на севере Египта // РИА Новости. 27.07.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/spravka/20110704/397252362.html> (дата обращения: 12.11.2015).

9. *Сатановский Е.* Война на территории трубопроводов // Военно-промышленный курьер. 28.10.2010. № 29 (345) [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/6608> (дата обращения: 27.11.2015).

10. *Сатановский Е.* Между кризисом и катастрофой // Россия в глобальной политике. 23.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdu-krizisom-i-katastrofoi-17823> (дата обращения: 27.11.2015).

11. *Сатановский Е.* Ядерное сотрудничество, газовое соперничество // Военно-промышленный курьер. 29.10.2014. № 40 (558) [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/22455> (дата обращения: 27.11.2015).

12. Сирийский трубопроводный узел // Мировая политика и ресурсы: [сайт]. 29.09.2015. URL: <http://www.wprg.ru/archives/4174> (дата обращения: 20.11.2015).

13. *Томберг Р. И.* Южный вектор российской газовой геополитики // Восточная аналитика : ежегодник 2011. М., 2012. С. 100–105.

14. *Шуейби Имад Фавзи.* Сирия — центр газовой войны на Ближнем Востоке // Сеть Вольтер. Дамаск. 11.05.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voltairenet.org/article174109.html> (дата обращения: 20.11.2014).

15. BP Energy Outlook to 2035 // BP Official Website [Electronic resource]. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/energy-outlook/outlook-to-2035.html> (accessed: 12.09.2014).

16. BP Statistical Review of World Energy June 2015 // BP Official Website [Electronic resource]. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 20.11.2015).

17. *Engdahl W.* Genies and Genocide: Syria, Israel, Russia and Much Oil // New Eastern Outlook. 26.10.2015 [Electronic resource]. URL: <http://journal-neo.org/2015/10/26/genies-and-genocide-syria-israel-russia-and-much-oil-2/> (accessed: 27.11.2015).

18. *Engdahl W.* Syria, Turkey, Israel and the Greater Middle East Energy War // Global Research. Centre for Research on Globalization. 11.10.2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.globalresearch.ca/syria-turkey-israel-and-the-greater-middle-east-energy-war/5307902> (accessed: 10.10.2014).

19. *Engdahl W.* The Secret Stupid Saudi-US Deal on Syria. Oil Gas Pipeline War. The Kerry-Abdullah Secret Deal // Global Research. 26. Oct. 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.globalresearch.ca/the-secret-stupid-saudi-us-deal-on-syria/5410130> (accessed: 24.11.2014).

20. ExxonMobil Outlook for Energy: A View to 2040 // ExxonMobil Official Website [Electronic resource]. URL: <http://corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook> (accessed: 12.09.2014).

Рукопись поступила в редакцию 30 ноября 2015 г.